

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**Окончательный
диагноз**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Окончательный диагноз / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-225755-1

Смерть таких выдающихся людей, как академик Глушков, — всегда явление заметное. А если уж она была насильственной, то сразу попадает в центр внимания ФСБ. Однако даже лучшие сотрудники службы не в силах выявить мотивы преступления. Они не могут понять, кому мог помешать безобидный ученый, кристально честный человек, не имевший врагов. Следствие заходит в окончательный тупик, когда вслед за Глушковым загадочным образом гибнет его сосед по даче. Вопросы, вопросы... В конце концов руководство ФСБ признает, что ответить на них может лишь один человек — знаменитый эксперт Дронго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225755-1

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Анализ есть нравственное трупорассечение: он действует не иначе, как разрушая.

Пьер Буаст

Глава 1

Они играли в шахматы. В их паре уже много лет во всем, что касалось работы, ведущим был Дронго. Именно за ним приоритет признавали не только его ближайший друг и теперешний напарник Эдгар Вейдеманис, но и все остальные друзья и знакомые, с которыми ему приходилось общаться. Однако, несмотря на аналитический склад ума и умение распутывать самые хитроумные преступления, Дронго довольно часто и до обидного глупо проигрывал другу. Правда, сражался он до последнего, но, как правило, уступал более терпеливому и расчетливому Вейдеманису. Проиграв в очередной раз, Дронго усмехнулся:

— Очевидно, у меня отсутствует рациональное мышление.

— Нет, — возразил великодушный Эдгар, — у тебя просто не шахматный

склад ума. Каждый основывается на своих особенностях. Ты умеешь распутывать преступления, а кто-то другой играет лучше тебя в шахматы. По-моему, все правильно, иначе вместо Эркюля Пуаро и Шерлока Холмса лучшими сыщиками были бы Ласкер и Стейниц.

— Ты меня не успокаивай, — возразил Дронго, поднимаясь из-за стола, — между прочим, я дважды играл с самим чемпионом мира по шахматам. И вообще мы земляки с Гарри Каспаровым.

— Ты с ним играл? — удивился Вейдеманис. — Почему ты никогда мне об этом не рассказывал?

— Именно поэтому и не рассказывал. Однажды меня пригласили во Дворец пионеров играть за сборную школы. А там был маленький мальчик, младше меня на несколько лет. И он так быстро меня обыграл, что я тихо попросил его сыграть еще одну партию. Мальчик согласился и снова выиграл. Вот так я дважды проиграл самому Каспарову. И с тех пор играю гораздо хуже его.

Вейдеманис улыбнулся. Он вообще редко улыбался и не отличался многословием. Высшей похвалой со стороны Эдгара было негромкое покашливание, которое могло означать как одобрение, так и неодобрение, в зависимости от тембра звука и частоты его «кхе-кхе». Вот и сейчас он улыбнулся, но промолчал. Оба не могли

и предположить, что уже через минуту начнут разворачиваться события, которые заставят Дронго изменить планы и заняться расследованием двух убийств, которые вскоре выльются в один из самых громких скандалов за все время его расследований.

Дронго взглянул на шахматную доску еще раз. Спасения не было, Вейдеманис обыграл его по всем позициям. И никакая защита уже не могла помочь. Он отвел глаза, разочарованно вздохнув, и в этот момент его внимание привлек телевизионный ведущий. Затем на экране появилась фотография бывшего вице-премьера правительства, академика, доктора наук, лауреата множества премий. Диктор перечислял его звания и заслуги. Дронго увеличил громкость. Ведущий объявил о смерти вице-премьера, не уточнив, как именно это произошло. Дронго и Вейдеманис переглянулись. Погибшему было пятьдесят восемь лет, и он не был похож на больного человека. К тому же в сообщении ничего не говорилось о его болезни. Диктор перешел к другим новостям. Дронго приглушил звук и мрачно взглянул на друга.

— Странно, — произнес он, задумчиво глядя на экран телевизора, — когда о смерти говорят подобным образом, это всегда кажется странным. Как он умер? Погиб в автомобильной катастрофе? Упал с балкона? Отравился консервами? О таких вещах нужно сообщать более

точные сведения, чтобы не породить слухи. Тем более когда умирает такой известный человек.

— Наверное, погиб в автомобильной аварии, — предположил Эдгар. — Может быть, об этой аварии они не хотят рассказывать. Иногда такое случается. Может, он сидел за рулем и сам виноват в случившемся.

— В таком случае они бы сказали, что он погиб в автомобильной катастрофе, — возразил Дронго. — Сейчас журналисты любят обрушивать на слушателей подобные новости, поэтому никогда бы не упустили случая рассказать об этом более подробно. Сейчас мы переключимся на другой канал и послушаем, что там скажут о смерти бывшего вице-премьера.

— Посмотрим, — проворчал Вейдеманис. Дронго нажал на кнопку пульта. Минут через сорок началась программа новостей на другом канале. И уже в начале программы ведущий сообщил о гибели бывшего вице-премьера. Перечислялись его научные заслуги и звания, но снова ничего не было сказано об обстоятельствах смерти. Дронго взглянул на Эдгара.

— Идентичный текст, — пробормотал Вейдеманис, — словно под копирку. Сообщение о смерти передавалось из одного центра. Там не было журналистов...

— Или их не пустили, — предположил Дронго. — Интересно, где он погиб?

И словно в ответ на его вопрос раздался звонок в дверь. Они посмотрели друг на друга. В элитном доме, где находилась квартира Дронго, была собственная охрана. Но никто из охранников не позвонил, чтобы предупредить Дронго, что к нему идет гость. А если этот человек сумел пройти мимо охранников, то это говорило о его необычном статусе. К тому же гость, видимо, знал, что хозяин квартиры дома. Пройдя в кабинет, Дронго включил камеру наружного наблюдения. За дверью стоял его старый знакомый. Дронго пожал плечами, невесело усмехнулся и пошел открывать дверь.

— Пришел наш знакомый, — сказал он Вейдеманису. — Можешь посмотреть кто. Думаю, ты его сразу узнаешь.

Эдгар пошел в кабинет и, едва взглянув на монитор, сразу узнал гостя. Дронго открыл дверь. На пороге стоял генерал Потапов, бывший заместитель руководителя Федеральной службы безопасности.

— Добрый вечер, Леонид Александрович, — приветствовал его Дронго с такими интонациями, словно давно ждал именно этого гостя, — а я уже думал, что больше никогда вас не увижу.

— Именно такими словами вы должны были меня встретить, — недовольно пробормотал гость.

— Входите. — Дронго пропустил генерала в квартиру. — Судя по тому, как вы спокойно

прошли охрану, ваше место работы по-прежнему вызывает уважение у наших дежурных.

— Мне всегда было трудно с вами разговаривать, — негромко парировал Потапов.

Это был человек невысокого роста, лысоватый, с бледными, выпуклыми глазами на бесцветном лице. Он всегда был одет в строгие темные костюмы и носил круглые очки, придававшие его лицу несколько удивленное выражение. Войдя в квартиру, гость повесил плащ и направился в кабинет. Увидев выходящего из него Вейдеманиса, он понимающе кивнул:

— Почти вся команда в сборе. Не хватает только вашего друга Кружкова.

— Вы пришли, чтобы предложить нам сыграть товарищеский матч в мини-футбол со сборной ветеранов ФСБ? — поинтересовался Дронго у своего гостя.

Потапов от комментариев воздержался. Войдя в кабинет, он уселся на диван. Дронго и Вейдеманис вошли следом.

— Что за манеры? — проворчал Потапов. — Почему каждый раз вы встречаете меня столь нелюбезно?

— Дело в том, что общение с вами не доставляет мне особого удовольствия, — ответил Дронго. — Как правило, вы появляетесь в самые неудобные моменты и просите о самых неприятных вещах. Однажды вы даже посулили мне миллион долларов, если я вам помогу. Денег

мне, конечно, не заплатили, но разрешили уйти живым, а это для вас было в высшей степени благородно. И вообще мне не нравится иметь дело с вашей организацией. В последнее время в вашем ведомстве появилось слишком много случайных людей. А это сказывается на уровне профессионализма.

Потапов поморщился. Он потянул носом воздух и неожиданно сказал:

— Тоже мне профессионал. Весь мир знает, что вы пользуетесь парфюмом «Фаренгейт». У вас уже в подъезде стоит этот запах. Давно могли бы его поменять.

— А я не работаю в службе наблюдения, — напомнил Дронго, — и мне не мешает мой любимый запах. Если вас так раздражает «Фаренгейт», можете покинуть мою квартиру.

— Ну хватит, — прервал его Потапов, — мы уже обменялись любезностями, давайте поговорим. У меня к вам важное дело.

— Давайте, — согласился Дронго, — только сначала удовлетворите мое любопытство. Где вы сейчас работаете? Ведь вы ушли из ФСБ несколько месяцев назад. Или успели вернуться?

— Нет, не успел, — мрачно ответил Потапов. — Вы прекрасно знаете, что я не ушел, а «меня ушли». И я тогда не думал, что мне снова придется заниматься подобными вопросами и вообще встречаться с вами. Но время

поменялось. К власти в стране пришел другой президент...

— Бывший ваш коллега, а с ним пришли и другие времена, — перебил гостя Дронго.

— Может быть, — согласился Потапов, — но мой опыт оказался нужен. Меня пригласили на работу заместителем руководителя службы охраны президента. И сейчас я работаю в этой должности.

— Поздравляю, — сказал Дронго, — вот уж действительно, талант всегда найдет себе дорогу. Такие кадры никогда не остаются невостребованными. Их всегда можно использовать. На любой работе и в любое время.

— Да, — согласился Потапов, — и я не понимаю вашей насмешки. Я приехал к вам по очень важному делу. Нам нужна ваша помощь.

— Это я уже догадался. Иначе вы вряд ли появились бы здесь, чтобы «понюхать» «Фаренгейт». Тем более что он вас так раздражает.

— Этого я не говорил, — улыбнулся Потапов.

— Уже неплохо. Что входит в сферу вашей компетенции?

— Охрана объектов в Москве и Московской области. Барвиха, Жуковка, Горки, в общем, все наши объекты. Я приехал к вам по очень важному делу, — повторил генерал.

— Что случилось?

— Убийство. Убили очень известного человека. Вчера вечером на его даче в Жуковке. К со-

жалению, весть об этом распространилась очень быстро, и нам пришлось сегодня официально объявить о смерти...

— Бывшего вице-премьера академика Глушкова... — закончил за собеседника Дронго.

Потапов машинально дотронулся до виска. Поправил очки.

— Откуда вы знаете, что его убили? — тихо спросил он.

— По всем каналам уже целый час говорят о внезапной кончине Федора Григорьевича Глушкова, — пояснил Дронго. — Я вспомнил, что он жил именно в Жуковке. Кроме того, вы не приехали бы ко мне так неожиданно. Значит, все совпадает. Ни один канал не сообщил, как и почему погиб бывший вице-премьер. Может, вы удовлетворите наше любопытство?

Потапов посмотрел на Вейдеманиса. Он хорошо знал, что Эдгар был бывшим офицером Первого главного управления КГБ СССР. И поэтому, чуть замешкавшись, произнес:

— Его застрелили. Почти в упор. Из пистолета. Убийца сделал один выстрел. В сердце. Самое интересное, что выстрела никто не слышал. Ни соседи, ни наши охранники. Никто. В общем, Глушкова убили. Нашли на втором этаже, в кабинете. А пистолет не нашли, исчез. Наши эксперты установили, что выстрел был сделан из пистолета системы Бернарделли, модель «П-18 компакт».

— Бернарделли? — удивился Дронго. — Очень редкая модель. И дорогая, насколько я знаю. Владельца этого пистолета нетрудно установить. У этих пистолетов интересное двухрядное расположение патронов. Последние модели стоят несколько тысяч долларов. Вы выяснили, кому принадлежал этот пистолет?

— Он не проходит по нашей картотеке.

— Странно, — нахмурился Дронго. — Такой пистолет — большая редкость. И насколько я знаю, их почти нет в стране. Может, он был у Глушкова? Мог ему кто-нибудь его подарить?

— У него не было такого пистолета. Во всяком случае, никто его не видел. Ни супруга, ни сын. Но у нас другие подозрения. Из дома пропала очень ценная коллекция старинных монет. Это мы успели установить.

— Убийство с целью ограбления? — не повеял Дронго. — Бандиты не побоялись появиться в охраняемом поселке и залезть в дом бывшего вице-премьера? И вы хотите, чтобы я поверил в такую чушь?

— Я сам не верю, — признался Потапов, — но пистолет мы не нашли. И коллекцию тоже не нашли. По нашим данным, она была уникальной, там были редчайшие монеты. Тысяч на триста-четырееста. Долларов, конечно.

— Поразительно, — пробормотал Дронго. — Вы опросили соседей?

— Конечно, — в голосе генерала послышалось недовольство. — Рядом с домом Глушкова находятся еще три дома. В одном живет вице-президент Академии наук, в другом — руководитель таможенной службы страны, а в третьем — заместитель министра иностранных дел. Как вы понимаете, мы не могли устраивать у них обыски. Все трое — люди слишком известные, чтобы мы их подозревали. Хотя с каждым из них мы побеседовали. И с членами их семей тоже. В этот вечер на даче находилось не так много людей. У замминистра иностранных дел жена в больнице, поэтому он был на даче с сыном. Академик ужинал с женой и дочерью. Наш главный таможенник гулял по дачному участку со своей супругой. Больше никого не было. Никто из них ничего не слышал. Тем не менее Глушков убит, коллекция монет пропала, оружие не найдено. Охранники уверяют, что никто из чужих на даче не появлялся. Но в самом комплексе около восьмидесяти домов. Мы же не можем подозревать всех, тем более что среди жителей поселка около пятнадцати федеральных министров и приравненных к ним лиц, а также человек двадцать заместителей министров. В общем, ситуация дурацкая. К тому же сегодня пятница. В понедельник вечером в Москву возвращается президент. Похороны Глушкова назначены тоже на понедельник. Если до этого времени мы не

найдем убийцу, то все руководство службы охраны будет искать себе новое место работы. И я в том числе.

Дронго внимательно слушал собеседника. Когда Потапов закончил рассказ, Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот молчал, как всегда, ничем не выражая своего отношения к сказанному. Решать должен был сам Дронго.

— У него большая семья? — мрачно поинтересовался Дронго.

— Жена, сын, дочь, внуки. Мы разговаривали и с ними. Подняли на ноги всю нашу службу. Уже успели переговорить с его заместителями в институте. Никаких зацепок. Погибшего обнаружил водитель. Он приехал утром за Федором Григорьевичем и ждал его около часа. Это удивило водителя, он вошел в дом и обнаружил, что академик убит. Сразу вызвали наших сотрудников, бригаду «Скорой помощи», работников прокуратуры. Водитель сейчас находится в ФСБ, но у него полное алиби. Всю ночь он был дома, с семьей. И утром, как всегда, приехал за Глушковым. К тому времени академик был мертв уже несколько часов. Тем не менее водителя задержали, чтобы допросить. Хотя ясно, что он здесь ни при чем. Он приехал в Жуковку только в половине девятого и никак не мог убить академика. И ничего спрятать или украсть тоже не мог.

— Почему? — спросил Дронго.

— Он вошел в дом не один, — пояснил Потапов. — Видимо, насторожило, что Глушков не отвечает на его звонки. Покойный вообще отличался пунктуальностью и никогда никуда не опаздывал. Поэтому водитель позвал одного из охранников, и они вместе разбили стекло на первом этаже, чтобы проникнуть в дом. Но главное: дверь не была заперта изнутри. Ее просто захлопнули. Глушков же обычно всегда закрывал дверь на замок, — Потапов нахмурился. — Водителя забрали в ФСБ, но это не тот след, который им что-нибудь даст. Когда водитель въезжал в ворота дачи, Глушкова уже не было в живых. В понедельник будут похороны, — еще раз напомнил генерал. — Мы просто обязаны разобраться и понять, как это случилось, кто стрелял в Глушкова, кто взял монеты. Словом, раскрыть это преступление.

Дронго поднялся, подошел к книжной полке, посмотрел на стоящие книги. Затем, словно вспомнив о чем-то, вышел в большой холл, где стояли книжные шкафы. Потапов недоуменно взглянул на Вейдеманиса. Через минуту Дронго вернулся в кабинет. В руках у него была книга с публикациями известных ученых, выпущенная в конце восьмидесятых годов. Среди авторов значился и академик Глушков.

— Интересный был человек, — задумчиво заметил Дронго, усаживаясь в кресло. — А почему вы не доверяете своей бывшей службе? Ведь

следователи ФСБ уже наверняка ведут расследование.

— И прокуратура тоже, — подтвердил Потапов. Он немного помолчал. — Я думал, вы меня поймете. Если выяснится, что на охраняемый объект проникли чужие люди... Тогда во всем обвинят именно нашу службу. Мне не стоит вам говорить, что между спецслужбами всегда существовало негласное соперничество. В ФСБ были бы рады вернуть в свою структуру нашу службу охраны, и они сделают все, чтобы доказать некомпетентность нашей службы. Что касается прокуратуры, то в последние годы она была дубинкой в руках администрации президента. И там тоже множество людей, которые с удовольствием поменяют весь руководящий состав службы охраны, посадив в наши кресла своих ставленников. Можно сказать, что здесь идет крупная игра, и нас постараются сделать козлами отпущения.

— Вы хотите сказать, что преступление могло быть подстроено, чтобы обвинить именно вашу службу? — уточнил Вейдеманис, заметив молчание Дронго.

— Да, — кивнул Потапов, не глядя на Эдгара. Он ждал ответа Дронго.

— За два дня, — вздохнул Дронго. — Почему у вас всегда такие невероятные сроки, генерал? Неужели вы всерьез полагаете, что я могу справиться за двое суток?

— Хотите, чтобы я сказал правду? — спросил Потапов. — Да, я так считаю. Более того, я в этом уверен. Единственный человек, который может нам помочь, — это вы. Если в понедельник мы не предъявим президенту реальные факты, можно быть уверенным, что нашу службу расформируют и передадут в подчинение ФСБ. Я знаю, как вы умеете работать, Дронго. Мне часто кажется, что в ваших рассуждениях есть нечто мистическое, словно вы умеете читать чужие мысли. И вы правильно заметили, что раньше я работал в ФСБ. Я вам никогда раньше не говорил об одном факте, очень интересном для вас. Наши аналитические службы однажды подсчитали ваш интеллект. Он зашкаливает за сто восемьдесят единиц. Поэтому — сами понимаете — вы единственный эксперт, который может нам помочь.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот, пожал плечами, кивнул в знак согласия.

— Между прочим, не такой уж большой интеллект, — вдруг заметил Дронго. — В шахматы я все время проигрываю Эдгару. Может, вам лучше его пригласить? Или Гарри Каспарова?

Потапов недоуменно взглянул на Вейдеманиса. Тот невозмутимо покашлял, ничем не выражая своего отношения к происходящему.

— Я не понял, — признался генерал, — вы согласны или нет? Мы готовы заплатить вам го-

норар в разумных пределах, лишь бы вы согласились.

— Мне нужны все материалы, которые у вас есть, — Дронго перешел на деловой тон, — доступ в Жуковку, возможность беседы с членами семьи погибшего и с соседями. Вы можете представить меня как сотрудника вашей службы. И, разумеется, дать свой автомобиль, чтобы я не появлялся в поселке со своим водителем и на своей машине.

— Ну конечно, мы все сделаем. Что-нибудь еще?

— Только одна личная просьба, — сказал Дронго. — Если я сумею что-нибудь сделать, вы купите себе «Фаренгейт». И публично признайтесь, что это лучший запах на свете. Договорились?

Потапов кивнул и неожиданно улыбнулся.

— Согласен, — сказал он, — вылью на себя два флакона.